

В.М. Мокшенко (Санкт-Петербургский государственный университет)
V.M. Mokienko (Saint Petersburg State University)

**Аксиологическая паремиология концепта «КОВШ»
(к истокам одной фамилии)¹**
**Axiological paremiology of the concept “LADLE / DIPPER”
(on the origins of one surname)**

*Шая, мая вот такая
Шундра, мундра вот такой,
Шинтик, пынтик этакой.
Обвернется, сколыпнется, опять такой же.
Что в избе за поцелуй?
[Загадки 1968. — С. 118].*

Аннотация

Статья посвящена юбилею известного фразеолога и лингвокультуролога, доктору филологических наук М.Л. Ковшовой. В статье предлагается анализ концепта «Ковш», наименование которого стало основой фамилии Юбиляра. Прослеживается этимология этого слова, характеризуются его коннотации и аксиологические потенции в составе русской паремиологии. Выделяются основные структурно-семантические группы такой паремиологии. В заключительной части статьи рассматривается астроним *Ковш* в названии созвездий Большой и Малой Медведицы.

The article is dedicated to the anniversary of the famous phraseologist and linguoculturologist, Doctor of Philology M.L. Kovshova. The article proposes an analysis of the concept ‘Ladle / Dipper’ (Rus. *Ковш*), to whom the hero of the day owes her name. The etymology of this word is traced, its connotations and axiological potencies as part of Russian paremiology are characterized. The main structural-semantic groups of such paremiology are singled out. Besides, the article deals with the Dippers as the names of the asterisms.

Ключевые слова

М.Л. Ковшова, фразеология, паремиология, аксиология, астроним *Ковш*
M.L. Kovshova, phraseology, paremiology, axiology, Dipper as the name of the asterism

Юбилей, как знают опытные юбиляры, обрушивается как на главу виновников (resp. виновниц) такого торжества, так и неповинных в этом чество-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

вателей неожиданно. Но при всей неожиданности это событие — приятный повод прочитать, перечитать и прочувствовать все, написанное Юбиларом, и вспомнить важнейшие и приятнейшие встречи с ним. Несомненно, что в нашем юбилейном сборнике все истинные ковшовофилы так и сделают, ибо сам жанр такой книги предполагает освещения (и освящение) всех аспектов деятельности Юбиляра с возможной системной полнотой. Ища в такой полной системе свою собственную нишу, я предположил, что и здесь — как вообще в мировой Фразеологии — самым неизученным, вероятно, останется диахронический, историко-этимологический аспект. И я решил посвятить свой очерк экскурсу в паремиологическую историю фамилии нашей Юбилярицы, т.е. аксиологическому разноцветию концепта *Ковш*.

Уверен, что Мария Львовна сразу разгадала загадку, выведенную мною в эпиграф этой статьи. Ведь одно из новейших ее научных увлечений — именно лингвокультурологический анализ этого жанра малого фольклора. И верно: разгадка этой эпиграфической загадки — *КОВШ*... Набор русских загадок об этом полезном, жизненно необходимом древнем сосуде весьма внушительен. Энигматическая семантика и образность его креативна, как и лингвистические труды нашей Юбилярицы. Приведу выборку из академического [Загадки 1968: 118] и пермского [Русские народные загадки 2012: 127 – 128] сборников, которая в полной мере демонстрирует эти качества:

Гусек купается, из рук не вырывается, часто на берег бежит; Гусек купается, из рук не вырывается, часто на берег глядит; Гусек купается, из рук не вырывается, из середи редко уходит; Купается гусек, из рук не вырывается.

Корова спит на месте, а хвост на улице.

Рыба в море — хвост на заборе; Щука в море — хвост на угоре.

Утка в море, а хвост на заборе; Утка в море — хвост на воле (ковш в ведре с водой); *Утка в море, хвост на угоре* (ковш в бочке с водой, также и колодец-журавель);

Кая-мая вот такая

Кунтик-мунтик вот такой,

И приципленочек такой (ковшик или поварешка, опущенные в бочку или кастрюлю).

Такое обилие загадок о ковше не случайно. Оно — лишь одно из языковых воплощений значимости того наименования, которое когда-то генерировало славную фамилию нашей *Марии Львовны Ковшовой*.

Родословная *Ковшовых* не просто свидетельствует о древности их рода, но и ярко отражает социальный статус и восточнославянское происхождение предков нашей Юбилярицы. В писцовых книгах и других архивных документах эта звучная фамилия и ее производные зафиксированы уже около пяти веков назад: *Семенко Ковшовъ*, крестьянин. 1500 (Писц. III, 706); *Федко Ковшевичъ*, Мозырский крестьянин. 1552 (Арх. VII, 1, 638); *Васко Ковшечникъ*, крестьянин. 1498. (Писц. IV, 29) [Тупиков 1903: 632].

Поражает факт относительной быстроты превращения нарицательного сущ. *ковш* в прозвище и фамилию. Это слово, обозначающее ‘округлый сосуд с ручкой для зачерпывания жидкости, сыпучего (в старину — сосуд для питья вина)’ и известное в древнерусском (*ковшьь*), а затем в русском, белорусском (*коўш*) и украинском (*ківш*) языках, было впервые зафиксировано с 1357 г. и 1359 г. Характерно при этом, что первые контексты, в которых это слово встречается, имеют в виду дорогие золотые сосуды, которые в духовных грамотах князья дарят своим сыновьям — напр.: «А се даю сыну своему князю Дмитрию... ковшь великийи золотъ гладкийи» [*Душ. гр. в. к. Ив. Ив. 1357 – 1359 г.* — Срезн. 1: 1243].

В.И. Даль, толкуя это слово как «корчик, черпалка; одноручный сосудец, с рукоятью, для черпанья жидкостей, для питья», возводил его (с восклицательным знаком!) к татарскому *кашикъ* в том же значении [ДК 2: 323]. Современные этимологи, однако, происхождение слова связывают с лит. *kiáušas* и латыш. *kausus* ‘ковш, большая ложка, уполовник’, ‘череп, чаша’ [Фасмер 2: 273; ЕСУМ 2: 443; Шапошников 2010 1: 406]. При этом М. Фасмер предлагает и более далекую индоевропейскую связь с др.-инд. *kóças* ‘сосуд, бочка’ [Фасмер 2: 273], а составители украинского этимологического словаря упоминают и такое специализированное значение литовского слова *kiáušas*, как «черепашка-слимака», т.е. ‘панцирь улитки’ [ЕСУМ 2: 443]. Балтийское происхождение бел. *коўш* детализировано аргументируют составители белорусского этимологического словаря, обильно регистрируя это слово в народных говорах, соседствующих с балтийским ареалом [ЭСБМ 5: 105 – 106].

Зная закономерности образования прозвищ [см.: Вальтер, Мокиенко 2007: 5 – 33], можно предположить, что однофамилец (или далекий предок?) Марии Львовны — *Семенко Ковшовъ*, упоминание о котором встретилось в Писцовой книге 1500 г., был так назван либо метафорически (по внешнему сходству с этим благородным сосудом), либо метонимически (по профессиональной ориентации, т.е. мастерству изготовителя ковшов или виночерпия). Ср. в этом плане прозвища почти современников Семенко Ковшова — *Федко Ковшевича* и *Васко Ковшечника* или костром. *ковшарь* ‘мастер, делающий ковши’ [СРНГ 14: 35]. Конечно, от сущ. *ковш*, как нередко бывает в образовании прозвищ, могли создаваться и индивидуальные наименования, не укладывающиеся в закономерные модели — напр., урал. *Ковшовка* — прозвище женщины, которую соседка побила ковшом [СРНГ 14: 35]. Но легко увидеть, что они — редкие регионализмы новейшего времени, никак не связанные с древним источником интересующей нас фамилии.

Иное дело — паремиологический потенциал лексемы *ковш*, который, собственно, и является основной целью предлагаемого здесь лингвокультурологического анализа. Какие оценочные коннотации создают пословицы и поговорки «ковшовой» тематики? В какие семантические корреляции вступает этот стержневой компонент при их образовании? Каково в их структуре соотношения формы и содержания?

На все эти вопросы, как кажется, дает объективные и обстоятельные ответы любимая отрасль лингвистики нашей Юбилейрицы — паремиология и Фразеология.

1. Наполнение ковша. Вопрос первый, сущностно-функциональный: для наполнения каких именно жидкостей (геср. праздничных, в том числе и юбилейных напитков) предназначался *ковш*?

Естественно, его наполнением служила прежде всего **вода** — основа всего живого и гасительница жажды и пожаров:

Краюшка хлеба да ковш воды, со спокойной совестью право не беды (Сн. 1848, 183) 57*^{*}; перм. *Чужая душа — не вода в ковше [: сразу не разглядишь]* (Прок. 1988, 147); *Дорог при пожаре и ковш воды* (Сок., 602).

Имплицитно именно простая вода, утоляющая жажду, имеется в виду в паремиях о ковше, где точное название жидкости не именуется:

Не брезгай пить из ковша, напьешься и вприпадку! (Д 2, 129); *Кто ковш выбирает, тот еще от жажды не страдает* (Спир. 1985, 138); *Кто ковш выбирает, у того еще в горле не пересохло* (Спир. 1985, 138); *Кто ковши разбирает, у того, знать, в горле не пересохло.* (Д 1, 379); *Ковшом почерпнула, двумя вычерпнула* (Ан. 1988, 133).

Ср. также пословицу, где ковш наполняется какой-то пищей, вероятно, жидкой: *То комиши, что есть в ковши, а что в мисе, на то не дмися!* (Д 2, 149; СРНГ 14, 240), где волог. *Комищить* — ‘есть, принимать пищу’ (СРНГ 14, 240), а диал. *дметься* — ‘надеяться’ (СРНГ 8, 71).

Особое место в «водных» наполнителях ковша занимает морская вода, запечатленная мудрой констатацией о ее безграничности и неисчерпаемости: *Ковшом море не вычерпаешь* (Сок., 74).

Не менее естественным жидким наполнителем ковша — как золотого, княжеского, так и простого, крестьянского — были всякого рода горячительные напитки, как слабоалкогольные, так и с повышенным ритуальным градусом. Набор таких напитков довольно широк — *брага (бражка), пиво, вино, мед* (т.е. медовуха, крепкий напиток из меда), *косуха* (т.е. водка):

Брага: *С ковшом на брагу, со щепкой (с пестом) на кулак* (ДП 2, 156; Д 3, 104); *Только и отважки, что ковшик бражки* (Сн. 1848, 501; ДП 2, 244; Д 2, 712; Соб. 1956, 76); *Только то и отважки, что на ковшик бражки* (Кн. 1930, 22); *Только и отважки, что ковшичек бражки* (Ан. 1988, 301).

Пиво: *Мутно на душе, что нет пива в ковше* (Сим., 122; СлРЯ XI–XVII вв. 9, 314; Д 2, 129; Тан. 1986, 90); *Коль добро с вином ведро, се коль хороши с пивцом ковши* (Сим., 57; СОРЯ XVI–XVII вв. 2, 57); *Коль добро с вином ковши! Се коль хороши с пивцом ковши!* (Сн. 1848, 177); *Коль добро с вином ведро, секоль хороши с пивцом ковши* (Сим., 113).

* В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдет в нашем «Большом словаре русских пословиц» [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010].

Вино: *Коль добро с вином ковши! Се коль хороши с пивцом ковши!* (Сн. 1848, 177); *Коль добро с вином ведро, секоль хороши с пивцом ковши* (Сим., 113); *Душа дороже ковша* (Д 2, 129); *Коль добро с вином ведро, се коль хороши с пивцом ковши* (Сим., 57; СОРЯ XVI–XVII вв. 2, 57); *Загорелась душа до винного ковша* (Сн. 1848, 130; Д 1, 570; ДП, 799).

Мед: *Коли мед, так и ковшиом* (Ан. 1988, 136); *Коли (Коль) мед, так [и] ложкой (ложку)* (ДП 2, 126; Д 2, 313; Соб. 1956, 99; Рыбн. 1961, 160; Ан. 1988, 137); *Не все что мед, то и ковшиом* (Ан. 1988, 211).

Косуха: *Семеро косуху, да все ковшами* (ДП 2, 162; СРНГ 15, 91), где обл. (перм.) *косуха* — ‘водка’ и ‘мера жидкостей: шкалик, четверть штофа или полбутылки водки’ (СРНГ 15, 91).

Обозревая этот довольно богатый ассортимент напитков, следует обратить внимание и на некоторые семантические особенности их наименований. Во-первых, слово *вино* в народном обиходе нередко понимается и расширительно, т.е. обозначает и крепкие спиртные напитки. Слово же *пиво* также этимологически может значить ‘то, что пьют, напиток’ — ср. сказочную финальную формулу «Я там был, *мед-пиво* пил, по усам текло, да в рот не попало». Между прочим, и слово *мед* в этой формуле и в народной речи также амбивалентно: оно может обозначать как крепкий спиртной напиток-медовуху, так и обычный пчелиный мед. В этом плане слово *ковши* как наименование сосуда для жидкости становится надежным дифференциатором двух значений этого праславянского слова в наших пословицах. Пословица *Коли мед, так и ковшиом* явно относится к медовухе, а *Коли (Коль) мед, так [и] ложкой* — к пчелиному меду. Пословица же *Не все что мед, то и ковшиом* — остроумное предостережение пьяницам не принимать желаемое за действительное, ибо настоящий безалкогольный мед следует есть ложкой, да и то — не столовой, а чайной.

2. Емкость ковша. В приводимых выше традиционных толкованиях слова *ковши* определяется, как мы видели, его форма и функция, но ничего не говорится о его размерах и, следовательно, — емкости. И здесь именно паремология помогает восполнить эту дефиниционную лауну. Ведь в пословицах и поговорках *ковши*, как мы частично уже видели в функциональных его характеристиках, соизмеряется с другими сосудами для питья. Обратим теперь специальное внимание на этот аксиологический аспект нашего концепта.

Ведро: *Коль добро с вином ведро, се коль хороши с пивцом ковши* (Сим., 57; СОРЯ XVI–XVII вв. 2, 57); *Коль добро с вином ведро, секоль хороши с пивцом ковши* (Сим., 113).

В отличие от *ковша*, размеры *ведра* нам хорошо известны. В.И. Даль даже предлагает определение *казенному ведру*: «мера жидкостей, 30 фунтов перегонной воды; в анкерке три ведра, в бочке 40; в ведре 10 кружек (8 штофов) или 16 мерных бутылок» (ДК 1, 428 – 429). Теперь в какой-то степени понятна предлагаемая пословицей «соразмерность» потребления таких разных напитков, как *вино* и *пиво*.

Чарка: *Игумен за чарку, а братия (братья, чернецы) за ковши* (Сн. 1848, 149; ДП 1, 136; Д 2, 8; КМШ 1957, 46); *Игуменьи за чарку (чарочку), сестры за ковши* (Петр. галер. нач. XVIII в., 28; Тат. нач. XVIII в., 53; ДП 1, 136; Д 2, 8; Жук. 1966, 171); *Игуменья за чарку, а сестры за ковши* (Ан. 1988, 117); *Игуменья за чарку, а сестры за стакан* (Тан. 1986, 64); *За ковш, за нож; за чарку, за драку* (Д 4, 582).

Слова *чара, чарка, чарочка*, в отличие от *ковша* и *ковшика*, обозначают сосуды, специально предназначенные для алкогольных напитков. Так их и определяет В.И. Даль, предлагая целый ряд близких обозначений: «стопка, кубок, стакан, рюмка, из чего пьют водку, вино». Им же определяется и емкость *мерной чарки* — «по 16-ти на кружку» (ДК 4, 1286). «Разноразмерность» *ковша* и *чарки* объясняет и смысл вышеприведенных пословиц: игуменьям, т.е. настоятельницам монастыря, приходится сдерживаться при винопитии, а простые монахини (или монахи) могут с меньшей опаской предаваться этому греху.

Кубок: *Кубок на кубок, а ковш вверх дном* (ДП 2, 244; Д 1, 170).

Смысл этой пословицы недостаточно ясен, хотя в нашем распоряжении есть и дефиниция В.И. Даля, и относительное представление о размерах этого сосуда: «питейный стакан, рюмка, чаша, стопа, особенно серебряный, всякой величины и вида; || арх. питейная мера, полуштоф (не четверка ли?)» (ДК 2, 536). Возможно, это — полезный совет от злоупотребления алкоголем: понемногу, по рюмочке его пить можно, а когда его начинают потреблять без меры, то ковш лучше перевернуть вверх дном, вылив содержимое.

Миса: *То ковши, что есть в ковши, а что в мисе, на то не дмися!* (Д 2, 149; СРНГ 14, 240).

Эта пословица выше уже комментировалась. Здесь достаточно подчеркнуть не только иное назначение такой посуды, как *миса, миска*, но и ее иной, по сравнению с ковшом, размер: это — «чаша, чашка; посуда, в которой подают на стол щи, похлебку; чаша к самовару; деревянная чашка» (ДК 2, 860).

Ложка: *Богатого ложка ковшом, бедного ложка веселком* (Д 2, 263); *Богатого ложка ковшом, убогого веселком* (ДП 1, 59; Кн. 1930, 25).

Здесь *ковш* сопоставляется с разными по размеру и функции ложками: у богача такая ложка большая и емкая, как ковш, а у бедного — небольшая и плоская. *Веселко (веселко)* (от *весло*) — это ‘мешалка, узенькая лопаточка для размешивания чего-л.’

3. Артефакты «несосудного» типа:

Ковш в этих двух поговорках выступает в роли шутливо-иронической характеристики пьянства, с одной стороны, побуждающего к дракам и бесчинствам, с другой, — отвлекающего от церковного благочестия: *С ковшом на брагу, со щепкой (с пестом) на кулак* (ДП 2, 156; Д 3, 104); *Поп в колокол, а мы — за ковш* (ДП 1, 28); *Поп за колокол, а мы — за ковш* (ДП 1, 28; Д 2, 140).

4. Эвфонические средства повышения аксиологического эффекта пословиц и поговорок о *ковше*.

Средства звуковой выразительности в создании и речевом функционировании «ковшовой» паремиологии играют, пожалуй, не меньшую роль, чем ее образная, метафорическая и символическая составляющая. Особо выделяется здесь рифма, ибо сущ. *ковш* в разных падежах довольно органично «провоцирует» живую переключку с разными словами. Такова постоянная рифмовка словоформ *ковша* — *душа*, *ковше* — *душе*:

Душа дороже ковша (Д 2, 129); *Душа милее ковша (кавша)* (Сим., 96; Тат. нач. XVIII в., 52; ДП 2, 236; Кол. 2007, 128); *Загорелась душа — бежи до ковша* (Сим., 107; Тан. 1986, 59); *Загорелась душа до винного ковша* (Сн. 1848, 130; Д 1, 570; ДП, 799.); *Рубашка ближе кафтана, душа милее ковша* (Лексикон 1731, 289; Геуг 1981, 122); *Мутно на душе, что нет пива в ковше* (Сим., 122; СЛРЯ XI – XVII вв. 9, 314; Д 2, 129; Тан. 1986, 90). Ср. также инерцию такой эвфонии даже в случаях, когда ее грамматическая «подсказка» формально нарушается: перм. *Чужая душа — не вода в ковше [: сразу не разглядишь]* (Прок. 1988, 147).

Не совсем совершенна, но зато оригинальна и логична по уже известному нам дидактическому смыслу рифмовка *ковш* — *нож*: *За ковш да и за нож* (Сим., 108); *За ковш, за нож; за чарку, за драку* (Д 4, 582).

Эвфоническая аттракция приводит к рифмовке мн. числа слова *ковш* с мн. числом прил. *хорош*: *Коль добро с вином ведро, се коль хороши с пивцом ковши* (Сим., 57; СОРЯ XVI – XVII вв. 2, 57); *Коль добро с вином ковши! Се коль хороши с пивцом ковши!* Сн. 1848, 177); *Коль добро с вином ведро, секоль хороши с пивцом ковши* (Сим., 113).

Но и на этом эвфонические потенции слова *ковш* в паремиологии не иссякают. Так, в уже приводимой вологодской пословице это слово во мн. числе сопрягается с повел. наклонением диалектного глагола *комишь* ‘есть, принимать пищу’: *То комиш, что есть в ковши, а что в мисе, на то не дмися*. Здесь, говоря языком фигуристов, народная речь создает особо изощренную фигуру, своего рода «двойной тулуп», ибо экспрессия рифмованной пары *комиш* — *в ковши* усиливается эвфоническим дуэтом *что в мисе, на то не дмися!* И мудрая народная рекомендация, равнозначная известной пословице *На чужой каравай рот не разевай* приобретает тем самым особую доказуемую силу.

Более того — энергетическое поле эвфонии динамизирует паремиологию с компонентом *ковш* даже тогда, когда сам этот компонент в рифмованный дуэт не вписывается. И тогда рождаются шутивно-иронические поговорки вроде *Только и отважки, что ковшик бражки* (Сн. 1848, 501; ДП 2, 244; Д 2, 712; Соб. 1956, 76); *Только и отважки, что ковшичек бражки* (Ан. 1988, 301); *Только то и отважки, что на ковшик бражки* (Кн. 1930, 22). И то, что наше слово *ковш* здесь употреблено в уменьшительной форме здесь вполне закономерно, ибо именно эта форма организует рифмическую пару *отважки* — *бражки*.

Как видим, образная и структурная палитра русской паремиологии с компонентом *ковш* весьма красочна и разнообразна. И, конечно же, — не исчерпывается теми пословицами и поговорками, которые были здесь предложены для обозрения. Эту палитру можно дополнить и оригинальными народными фразеологизмами, и другими устойчивыми словосочетаниями образного характера. Таково, например, сравнение *зуба ковшичком у кого* ‘об обиженном, надутом, раскапризничавшемся человеке’, записанном в пермских говорах (ППГ 2013, 29) или псковский ритуальный составной термин *выводить под ковши кого*, который в свадебном обряде имеет значение ‘вести молодых собирать денежные пожертвования’ (ПОС 5, 130).

Особый, я бы сказал, сакрально-юбилейный смысл имеет астроним с нашим компонентом — *Ковш*. Ведь когда мы пишем его с прописной буквы, он приобретает вовсе не то заземленное «сосудное» значение, которое иррадируют большинство описанных нами пословиц и поговорок, а высоко отрывается от земли, превращаясь в Созвездие Большой Медведицы [СТСРЯ 2001: 275]. Столь же неботечное по просторам Вселенной, как и *Млечный путь* и другие наименования недосыгаемых земным обитателям светил [Мокиенко 2016]. В диалектной речи этот образ не только давно уже глубоко укоренился, но и образовал соотносимую звездную пару: ср.-урал. *Большой ковшик* — Созвездие Большая Медведица (СРГСУ 1, 51; СРНГ 3, 92) и *Малый ковшик* — Созвездие Малая Медведица (СРНГ 14, 35; 17, 341). Словом *Ковш* обозначают Созвездие Большой Медведицы почти во всех регионах России — в Архангельской, Амурской, Костромской, Пермской, Рязанской, Саратовской областях, а *Ковшиком* — Созвездие Малой Медведицы на Урале и в Новосибирской области (СРНГ 14, 35).

Такие обозначения известны и близкородственному белорусскому языку, где *Коўшык* в Гомельском р-не обозначает Малую Медведицу [ЭСБМ 5: 106]. А ведь именно в Белорусском Полесье, по мнению многих славистов, и находилась прародина славян. Следовательно, и образ звездного *Ковша* можно возводить к праславянской древности. И действительно: «в народной славянской астрономии созвездия называются по разным орудиям труда, предметам: воз, ярмо, рало, борона, грабли, косы, сито, ковш» [Э.Г. Азимов, Н.И. Толстой — СД 1: 119]. И самым общим сравнением созвездия Большая Медведица с вещами, знакомыми человеку, остается именно «ковш». Уральская исследовательница М.Э. Рут, детально изучившая обозначения астрономических объектов у разных народов, считает образ ковша для названия этого созвездия универсальным. Он известен англичанам, мокшанам, марийцам, чувашам, бурятам и даже китайцам, у которых, правда, этот «ковш» выглядит несколько своеобразно: *Пе Теу* ‘хлебная мерка в форме кастрюли’ [Рут 2010: 90 – 91]. При этом в китайской астрономии семь звезд ковша носят название «Северный Ковш». В древности ковш использовался китайцами для отсчета времени.

Как видим, языковая (метафорическая и аксиологическая) судьба концепта *Ковш* креативна и дихотомична. Обогатившись неповторимо яркими коннотациями в составе пословиц и поговорок, это бытовое, заземленное обозначение округлого сосуда с ручкой для зачерпывания жидкости в астрономическом именованном было вознесено на самую вершину звездного небосклона.

И судьба носительницы древней фамилии *Ковшова* в чем-то повторяет судьбу исходного концепта. Мне вспоминается далекий уже 1995 год, первый Europhras' 95 в замке недалеко от университетского города Грац в Австрии. Наша самая Большая и самая яркая Фразеологическая Медведица В.Н. Телия приехала на эту международную конференцию со своей юной, но уже блистательной аспиранткой Машей Ковшовой, доклад которой (и не только доклад) слушали и смотрели заморожено патриархи мировой Фразеологии. С тех пор любимая ученица Вероники Николаевны Телия из *Ковшика* Малой Медведицы стала *Ковшом* Большого созвездия, оправдав ожидания своей Наставницы. А нам, фразеологам, остается лишь осушить ковши и другие сосуды в честь ее Юбилея и пожелать Марии Львовне здоровья, счастья и новых свершений.

Литература

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. — 704 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. Изд. 3-е, исправленное и значительное дополненное. Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Тт. 1 – 4. — М., 1903 – 1909; 4-е исправленное и значительно дополненное издание под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Тт. 1 – 4. — СПб. — М., 1912 – 1914. (ДК).

Етимологічний словник української мови / Гол. ред. О.С. Мельничук.: У 7 т. — Київ: Наукова думка. — Т.1: А – Г. — 1982. — 631 с.; Т.2: Д – Копці. — 1985. — 570 с.; Т.3: Кора – М. — 1989. — 549 с.; Т.4: Н – П. — 2003. — 656 с.; Т.5: Р – Т. — 2006. — 407 с.; Т.6: У – Я. — 2012. — 567 с.; Т.7 (в роботі). (ЕСУМ)

Загадки. Издание подготовила В.В. Митрофанова. Отв. ред. Б.Н. Путилов. (Памятники русского фольклора). — Изд-во «Наука», Ленинградское отделение. Л., 1968. — 255 с.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. Монография. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 400 с.

Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 352 с.

Мокиенко В.М. Млечный путь Александра Сергеевича Герда // Verba magistro. Сборник научных статей памяти профессора Александра Сергеевича Герда / Отв. ред. А.Х. Гирфанова, С.А. Мызников. — СПб.: Нестор-История, 2016. — С. 216 – 225.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. — Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. — М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2010. — 1024 с.

Русские народные загадки Пермского края: сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями / Сост. И.А. Подюков, А.В. Черных. — С.-Петербург: Изд-во «Маматов», 2012. — 256 с.

Рут М.Э. Словарь астрономов. Звездное небо по-русски. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. — 288 с.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1. А – Г. — М.: «Международные отношения», 1995. — 584 с.; Т. 2. — Д – К (Крошки). — М.: «Международные отношения», 1999. — 697 с.; Т. 3. — К (Круг) – П (Перепелка). — М.: «Международные отношения», 2004. — 704 с.; Т. 4. — Т. 5. — М.: «Международные отношения», 2013. (СД).

Словарь русских говоров Среднего Урала. Тт. 1 – 7. — Свердловск: изд-во Свердловского ун-та, 1964 – 1991. (СРГСУ).

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — Т. 1 – 3. — СПб., 1893 – 1912. (Срезн.).

Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Главный редактор С.А. Мызников. Вып. 1 – 52. Л. — СПб, 1965 – 2021. (издание продолжается). (СРНГ).

Современный толковый словарь русского языка. Более 90 000 слов и фразеологических выражений. Гл. ред. С.А. Кузнецов. — Санкт-Петербург: «Норинт», 2001. — 960 с. (СТСРЯ 2001).

Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — СПб., 1903.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Под ред. Б.А. Ларина. Перевод с нем. и предисл. О.Н. Трубачева. Тт. 1 – 4. — М.: «Прогресс», 1964 – 1973; 2-е изд. 1986 – 1987.

Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка. В двух томах. Т. 1 (А – Н). — 582 с. Т. 2. Н – Я. — 576 с. — М.: изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2010.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. — Тт. 1 – 14. — Мінск: «Навука і тэхніка», 1978 – 2017 (издание продолжается). (ЭСБМ).